

ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ EUPHEMISMS AND DYSYPHEMISM RUSSIAN AND KAZAKH

Аннотация: в статье рассматривается лингвистический, когнитивный и исторический аспекты появления эвфемизмов. А также подвергается анализу прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в русском и казахском языках.

Abstract: this paper considers the linguistic, cognitive and historical aspects of the emergence of euphemisms. As well as being analyzed pragmatic aspect of euphemisms and dysphemism in Russian and Kazakh languages.

Ключевые слова: эвфемизмы, дисфемизмы, табу, прагматика.

Keywords: euphemisms, dysphemism, taboos, pragmatics.

Эвфемизмы и дисфемизмы представляют значительный исследовательский интерес. Будучи вариативными средствами языка, и те, и другие обнаруживают зависимость как от непосредственной речевой ситуации и статусов коммуникантов, так и макрофакторов социокультурного порядка – доминантного типа культуры, национальной психологии, ценностно-нормативных установок общества.

В рамках данной статьи мы считаем возможным трактовать оба эти явления как подварианты более общего. Основанием для этого нам представляется то, что оба случая предполагают наличие стигматизированного денотата, т.е. такого, который отмечен негативным к нему отношением. Кроме того, косвенность номинации и оценочность часто выступают во взаимосвязи, а табуированные единицы нередко служат в качестве прототипов при образовании дисфемизмов. При этом мы определяем эвфемизм как прагматический прием, или троп, состоящий в непрямом (иносказательном, косвенном, прикрытом, вежливом, смягчающем) обозначении предмета или явления внеязыковой действительности.

Обобщая опыт исследований, проведенных в русском и казахском языках, отметим, что основной целью эвфемизации является стремление избегать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта, например, *слабослышащий* (вместо глухой), *незрячий* (вместо слепой), а также слова *неправда* (вместо ложь или вранье), *полный* (вместо толстый, о человеке), *нетрезвый* (вместо пьяный), *неспокойный* (о том, кто любит устраивать скандалы), *приболеть* (вместо заболел) и т.п. Приведем примеры смягчения некоторых слов казахского языка: *аузы женіл* (вместо өсекші) - о человеке, разносящем сплетни; *қалтасы жұқа* (вместо кедей)- о бедном человеке; *бойшаң* (вместо ұзын) – о высоком человеке; *керең, мүкіс, құлағының мүкісі бар, тосаң* (вместо саңырау) – о слабослышащем человеке, *қытымыр, қатты* (вместо сараң) – о скупом человеке; *майлану, толу* (вместо семіру) – полнеть, *томпақ, дәу* (вместо толстый) и др.

Эвфемизмы погуд употребляться с целью скрыть от окружающих то, что говорящий хочет сообщить только конкретному адресату. Это характерно, например, для газетных объявлений, касающихся обмена жилой площади («Меняю трехкомнатную квартиру на четырехкомнатную по солидной доверенности»), поиск сексуальных партнеров («Молодая женщина окажет внимание состоятельному мужчине»); найма на работу («На высокооплачиваемую работу приглашаются девушки без комплексов», «Предприятию требуются водители и экспедиторы. Лиц с вредными привычками просим не обращаться»; под лицами с вредными привычками имеются в виду любители спиртного) и т.п.

Целью же дисфемизации является стремление оскорбить, унижить говорящего. Например, дисфемизмы, обозначающие пороки и недостатки характера людей. Так, в сексуальной

сфере: нетрадиционные ориентации, порочные сексуальные связи, пьянство, из области обозначений национальной принадлежности и т.п.: *принять за воротник, под мухой*; в каз. языке: *кішкене ұртау, ішімдікке салынған*.

Прагматическое назначение эвфемизмов и дисфемизмов в текстах – суггесторное воздействие на реципиента информации с целью изменить, приукрасить или скрыть информацию о реальном факте, выставить что- или кого-либо в положительном, или напротив, отрицательном свете, побудить адресата манипуляции к каким-либо действиям или бездействию. Наряду с функцией вуалирования мы выделяем и другие функции эвфемизмов и дисфемизмов: манипулирования, акцентирования, самозащиты и дискредитации, которые реализуются через тактики, характерные для стратегий политического дискурса. Причем функции вуалирования и самозащиты выполняют только эвфемизмы вследствие специфики их сущности.

Прагматическое значение эвфемизмов и дисфемизмов формируется за счет синтагматических связей в составных единицах за счет нейтрализации или актуализации одной из дифференциальных или потенциальных сем исходной единицы, послужившей основой для вторичной номинации.

Традиционно эвфемизмы русского и казахского языков классифицируются в соответствии с такими темами и сферами:

1) Болезни, физические и умственные недостатки, а также артефакты, связанные с этими состояниями: *не все дома, Алеша простуженный, плохо себя чувствовать, недомогать* - вместо: болеть, хворать; *французский насморк* (сифилис), *английская болезнь* (рахит), *пришли гости* (менструация), *она совсем плохая* – о безнадежно больной, *новообразование* – вместо *опухоль*, иноязычных терминов типа *педикулез* вместо *вшивость*, *абсцесс* – вместо *гнойник*, *нарыв*, *абулия* – вместо *безволие*. В каз. языке: *өкпе ауруы* - туберкулез, *аяғының ақауы бар* – о хромом человеке, *зағип* - о слепом человеке.

2) эвфемизмы, связанные с анатомией и физиологией человека. К этой группе эвфемизмов можно отнести такие, которые характеризуют лиц нестандартной весовой категории, беременность и др.: *полный* (в каз. яз. *етжеңді*) вместо *толстый* (в каз.яз. *семіз*); *в (интересном) положении, тяжелая, ждать ребенка* (в каз.яз.: *жүкті, ауыр, қызық күйде, күтіп жүр, нәзік күйде, ішінде бүкпесі бар*) вместо *беременная. Аист принес* – вместо *родила*. В ситуации объяснения ребенку, откуда он взялся. *Тебя аист принес*. «Современный запрет на произнесение слов *беременность, беременная, родила* является этическим. В древности, вероятно, запрет был обусловлен представлениями славян. «Имя Род в славянском языческом пантеоне может рассматриваться как одно из названий мифологического противника Бога Громовержца, выступавшего наряду с названием Волос. Род – ипостась лешего, родителя. День поминовения усопших – родительский день, это поминание не только родителей, это поминание всех умерших предков. И здесь прослеживается связь с Родом. Архаическое (дохрист.) неразличение ада ирая отразилось в старославянских и древнерусских терминах, как *порода* «рай» и *род, рожьство, рожение* «преисподняя». Названия райа и ада были восприняты от корня *род* – царство мертвых (обитель предков)» [Сеничкина 2008: 54].

3) эвфемизмы для обозначения понятия «смерть»: *отошел в другой мир, отпустил богу душу, ушел в иной мир, уйти из жизни, алчная коса, аминь кому-либо* (в каз.яз. *бақиза аттанды, жүріп кетті, дүние салды, қайтпас сапарға кету, үзілу, көз жұму, қайту, шетін болу, көз жазып қалу, айырылу, адасу, беру, мәңгіұйқыға кету, аттану, дүние салу, дүниеден көшу, дәмі тоқтау, жан тәсілім қылу*).

4) эвфемизмы для обозначения определенных частей тела, связанных с «телесным низом». Объекты этого рода таковы, что и не прямое, эвфемистическое их обозначение в бытовой речи часто воспринимается большинством говорящих как не вполне приличное: Ср., например, просторечные и жаргонные номинации мужского полового члена: *палка, конец, инструмент, аппарат, прибор, балда, банан, вафля, перец* и др., *анус* – вместо прямого наименования заднего прохода, анального отверстия.

5) Религия, например, обозначения бога, дьявола, слова, связанные с различными религиозными ритуалами, проклятия: *ангел тьмы* (в каз.яз.: сатана табуирован в словах *сары бала, теріс табаң, шимұрын*).

6) Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений: *либерализация цен* вместо *повышение цен*, *конфронтация* вместо *противостояние*, *коррекция* вместо *исправление*, *секвестрование* вместо *сокращение*.

7) эвфемизмы, относящиеся к широкому кругу криминальной сферы: *заключенные, лица, состоящие на учете в МВД, ранее судимые, зек*.

8) Рассматривая ономастику казахов следует обратить внимание на так называемые «охранительные» имена. Когда в семье рождаются одни дочери и нет ни одного сына, то в целях прекращения женского потомства, девочке (последней по времени рождения) дают имена *Улбосын, Улмекен* (букв. пусть будет мальчик).

Для сохранения ребенка в семье, где дети умирают, новорожденному дают имена *Тұрсын, Тұрған, Тұрарбек, Тұрсынбай, Сатылған, Сатыбалды*, в основе которых лежит значение «пусть устоит» или «проданный».

Для сохранения ребенка от дурного глаза и для того, чтобы часто упоминая его имя, как-нибудь не накликасть на него какие-нибудь болезни, ребенку дают кроме имени и разные прозвища: *Жаман бала, Тентек бала, Жынды бала, Ұры бала*. В качестве прозвищ употребляли «худые» имена: вор-мальчик, дурное дитя.

Не меньший интерес представляют имена типа *Керекемес* (букв.не понадобится, ненужный), *Акмышык* (букв. белая кошка (женское имя), *Күшік* – собачка, щенок (ласкательно (мужское имя). Благодаря таким именам в старину казахи думали, что злой дух не «позарится» на человека и оставит его в покое.

Незаконное рождение всегда влияло на статус ребенка и называние вслух звучит как оскорбление и ругательство. По этой причине используется более мягкое название – *«әкесі жоқ бала»* (безотцовщина). В русском языке есть дисфемизмы: *выблядок, выблядыш* (внебрачный ребенок, мальчик).

9) Казахский человек не упоминает среди ночи волка. Чаще о волке говорят иносказательно: *ит-құс* (букв. собака-птица). Скажешь *қасқыр* – он тут же обозлится может и пожаловать в гости.

10) Казах скрывает от посторонних свой возраст, если он переживает очередной *мушел* – разницу 12-летнего цикла. Год *мушеля* – опасный возраст, когда человек ослаблен перед лицом всяческих потрясений, порчи и сглаза. Поэтому, сообщая свой возраст, человек сознательно завышает, либо занижает его.

Итак, на современном этапе развития теории языка первостепенное значение приобретают вопросы о том, *что* лежит в основе использования человеком языковых единиц и структур знаний, увязываемых с ними в его памяти. Вероятно, возникающие трудности обусловлены самим историческим процессом, переживаемым сегодня социумом, что влечет за собой активизацию целого ряда моделей эвфемистического/дисфемистического представления современной действительности, в которых фиксируется подлинная картина национального самосознания, где отражаются как традиционные черты народной ментальности, так и все новое, что привносит создаваемая человеком картина окружающего мира. Поэтому ученые вынуждены «привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [Крысин 1996: 17].

Приведенная выше классификация эвфемизмов/дисфемизмов отражает своеобразную иерархию социальных отношений внутри общества и на данный момент является наиболее табуированным в связи с набравшим силу движением за политическую корректность. Следует отметить, что, несмотря на существующие запреты и этические нормы, на практике все-таки удастся передать негативный смысл посредством вербальных средств, которые не являются оскорбительными и/или запретными с точки зрения их значения, зафиксированного в словарях и общелитературном языке.

Список литературы:

1. Ахметов Ә. Түркі тілдеріндегі табу мен эвфемизмдер (салыстырмалы этнолингвистикалық әрделеу). – Алматы: Ғылым, 1995. – 176 с.
2. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2008. – 464с.
3. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ученые записки ЛГУ. Сер. филологических наук. – Л.: ЛГУ, 1961. – с. 110 – 117.
4. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля: Этимология. – М., 1965, 1967.
5. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
6. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь – М., 1990.
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. - М., 1996.
8. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – Волгоград, 1990.